

QNSYMN

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ И ПРИБАЛТИКИ (КОНЕЦ XIX — ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XXI ВЕКА)

А. Г. Манаков **Р. Н. Кроток** **И. А. Иванов**

Псковский государственный университет,
180000, Россия, Псков, пл. Ленина, 2

Поступила в редакцию 10.07.2024 г.

Принята к публикации 06.02.2025 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-8

© Манаков А. Г., Кроток Р. Н., Иванов И. А.,
2025

Процессы секуляризации, развернувшиеся с начала XX в., привели к значительному изменению традиционной религиозной структуры населения многих стран и регионов. Цель исследования — выявление сдвигов в конфессиональной структуре населения Северо-Запада России, Эстонии, Латвии и Литвы с конца XIX в. по настоящее время. Для этого использовались итоги переписей населения, проведенных в 1897 и 2021 гг., а также результаты социологических опросов, в которых задавался вопрос о религиозной принадлежности населения. В соответствии с динамикой конфессиональной структуры населения на территории Северо-Запада России и Прибалтики было выделено 24 историко-конфессиональных района. Осуществлена типологизация районов с опорой на изменение степени сложности конфессиональной структуры населения, а также на динамику доли четырех основных конфессиональных групп в регионе исследования — протестантов, католиков, восточных христиан и иудеев. Первый тип характеризуется гомогенизацией религиозной части населения в пользу православных и католиков при гетерогенизации общей конфессиональной структуры (включающей нерелигиозное население). В этот тип вошли все районы Северо-Запада России, уезд Ида-Вирумаа в Эстонии, Латгалия в Латвии и часть Литвы. Второй тип районов, представленный наиболее полно в Эстонии и Латвии, характеризуется гетерогенизацией как общей конфессиональной структуры населения, так и ее религиозной части. Спецификой третьего типа является гомогенизация общей конфессиональной структуры — в пользу католиков в Литве и в пользу протестантов и нерелигиозного населения — на юго-западе Эстонии.

Ключевые слова:

конфессиональная структура, христианские конфессии, иудаизм, секуляризация, историко-конфессиональные районы

Введение

Изучение динамики конфессиональной структуры населения в настоящее время приобретает особую значимость в связи со значительными изменениями в религиозной сфере многих стран мира, связанными с процессами секуляриза-

Для цитирования: Манаков А. Г., Кроток Р. Н., Иванов И. А. Трансформация конфессиональной структуры населения Северо-Запада России и Прибалтики (конец XIX — первая четверть XXI века) // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 2. С. 175–192. doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-8

ции, начавшимися в XX в. и активизировавшимися в XXI столетии. Как отмечает С. А. Горохов [1], все страны, расположенные к востоку от Балтийского моря, испытывали волну политической секуляризации в советский период своей истории, которая в конце XX в. сменилась кратковременной волной десекуляризации, особенно проявившейся в России и Литве, в меньшей степени — в Латвии и Эстонии. Но в начале XXI в. в странах Прибалтики, особенно в Эстонии, ускорилась укладывающаяся в общеевропейские тренды социальная секуляризация, в первую очередь охватывающая протестантские страны. В итоге Эстония сейчас входит в группу наименее религиозных стран мира [2—4].

Так, в меньшей степени общеевропейская секуляризация коснулась Литвы, конфессиональная структура населения которой гомогенна и состоит преимущественно из католиков латинского обряда. В большей степени это явление заметно в лютеранских странах Эстонии и Латвии, имеющих крупные православные общины. В последнем из названных государств имеются также крупные сообщества представителей Римской католической церкви [5].

На Северо-Западе России в прошлом в целом ряде районов также была достаточно сложная конфессиональная структура населения, в северной части — со значительным присутствием протестантов, в южной части — иудеев [6]. Хотя в настоящее время, с учетом доминирования потенциально православного населения на Северо-Западе России, можно говорить о преимущественно гомогенной структуре конфессионального пространства в данном регионе страны. По сравнению с конфессиональной географией по итогам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. изменения в религиозной структуре населения произошли не только на Северо-Западе России [7], но на территории стран Прибалтики [8].

Таким образом, в изменении конфессиональной структуры населения стран, расположенных к востоку от Балтийского моря, имеются значительные различия, связанные с их традиционными религиями.

Цель работы — выявление сдвигов в конфессиональной структуре населения Северо-Запада России, Эстонии, Латвии и Литвы (на уровне выделенных в ходе исследования историко-конфессиональных районов) с 1897 г. по настоящее время.

Степень изученности проблемы и обзор источников

Наиболее изученной в настоящее время является конфессиональная география Северо-Запада России и Прибалтики в конце XIX в., так как в 1897 г. была проведена единственная перепись, на которой фиксировалась религиозная принадлежность населения одновременно на всех обозначенных территориях. Территориальные различия конфессиональной структуры населения по результатам данной переписи рассмотрены в работе С. Г. Сафронова [9] и в целом ряде наших исследований [6; 8; 10; 11]. Также заслуживает внимания труд В. М. Кабузана [12], где проанализирована конфессиональная статистика на уровне губерний Российской империи по итогам ревизий населения на протяжении XVIII—XIX вв.

Рассмотрение последующих изменений в конфессиональной структуре населения региона исследования опиралось на работы, посвященные религиозной политике Российской империи в прибалтийских губерниях [13], истории Эстонской евангелическо-лютеранской церкви [14] и православной церкви в Прибалтике в XIX — начале XX в. [15—17], изменению конфессиональной структуры населения белорусско-прибалтийского региона в начале XX в. [18] и современной конфессиональной структуре населения стран Прибалтики [3; 5; 19 и др.].

Ранее нами предпринимались попытки оценки современной конфессиональной структуры населения Северо-Запада России как с помощью методики расче-

та потенциального конфессионального состава населения [9], так и с опорой на результаты опроса населения регионов России, проведенного в 2012 г. [20; 21]. Аналогичные задачи приходится решать при изучении конфессиональной структуры населения на уровне регионов Латвии, так как в современных переписях населения в этой стране не задается вопрос о религиозной принадлежности населения.

Изучение трансформации конфессионального пространства в регионе исследования в период с конца XIX в. по настоящее время сталкивается с проблемой несоответствия сеток административно-территориального деления в период существования Российской империи и в наши дни. Эту проблему решает осуществленное в исследовании историко-конфессиональное районирование Северо-Запада России и Прибалтики, учитывающее специфику конфессионального состава населения территорий в конце XIX в. и в настоящее время.

Материалы и методы

Информационной базой исследования являются итоги переписей и социологических опросов населения. В частности, это Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., переписи населения России, Эстонии, Латвии и Литвы, проведенные в 2021 г., результаты которых размещены на сайте Population statistics of Eastern Europe & former USSR¹. Вместе с национальным составом населения в Эстонии и Литве в ходе данных переписей фиксировалась еще и его религиозная принадлежность.

Кроме того, использованы итоги социологических опросов населения России и Латвии, где задавался вопрос о вероисповедании. В России такой опрос, позволивший достаточно объективно оценить конфессиональный состав населения почти всех регионов страны, был осуществлен некоммерческой исследовательской службой «Среда» в рамках проекта «Арена» в 2012 г.² С учетом проведенных нами ранее исследований, где были проанализированы итоги этого опроса [20; 21], к восточнохристианскому населению (православным и старообрядцам) отнесены респонденты, давшие ответы «Исповедую православие...» и «Исповедую христианство...», к нерелигиозному населению — респонденты, ответившие «Не верю в Бога» и «Верю в Бога, но конкретную религию не исповедую».

В Латвии взяты за основу итоги социологического опроса населения страны, проведенного Латвийским агентством SKDS в 2018 г. (опрос проводился среди жителей Латвии в возрасте от 18 до 74 лет, всего около 1000 респондентов; задавался вопрос «К какой вере вы принадлежите?»)³.

В связи с отсутствием современной конфессиональной статистики на уровне низовых административно-территориальных единиц России и Латвии в исследовании дана оценка конфессиональной структуры на основе этнического состава населения. А точнее, рассчитывалась потенциальная конфессиональная структура населения исходя из традиционной религиозной принадлежности этносов, проживающих в данных административно-территориальных единицах. Такой подход был использован, например, в работах Р. Н. Сафронова [9], А. Г. Манакова и В. С. Дементьева [8], Н. Н. Терениной и Р. Н. Кротока [21].

¹ Population statistics of Eastern Europe & former USSR, URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 12.06.2024).

² Арена (Атлас религий и национальностей России), Некоммерческая исследовательская служба «Среда», URL: <http://sreda.org/arena> (дата обращения: 14.06.2024).

³ Kaktiņš, A. 2018, Lūk, kā izskatās Latvijas iedzīvotāju reliģiskās un konfesionālās piederības pēdējās 3 aptaujās, kur tas ir ticis prasīts, URL: <https://twitter.com/arniskaktins/status/1044214761557282816?lang=he> (дата обращения: 14.06.2024).

Из-за наличия в настоящее время достаточно многочисленной категории нерелигиозного населения требуется предварительная оценка религиозности разных этнических групп [22]. Так, в России результаты опроса населения, проведенного некоммерческой исследовательской службой «Среда» в рамках проекта «Арена», фактически позволяют определить религиозность потенциально православного населения в регионах Северо-Запада по причине их моноэтничности. Оценка численности других конфессиональных групп в случае, если в ходе опроса были получены результаты, укладывающиеся в рамки погрешности выборки, дана на основе этнической структуры населения.

Более сложной является оценка современной конфессиональной структуры населения регионов Латвии. Она опирается, во-первых, на потенциальную конфессиональную структуру населения регионов страны исходя из их этнического состава в 2021 г., во-вторых, на результаты социологического опроса в стране, позволившего оценить степень религиозности каждой потенциально конфессиональной группы, в-третьих, на итоги предыдущих переписей населения Латвии (в период с 1920 по 1935 г., когда фиксировалась религиозная принадлежность населения). Последние позволили скорректировать конфессиональную структуру населения регионов с учетом различия между потенциальной и реальной конфессиональной структурой, а точнее, определить долю латышей-католиков и православных латышей, которая характеризовалась достаточно большой стабильностью независимо от года проведения переписи.

Результаты исследования и их обсуждение

В качестве основного показателя, который в исследовании служит для оценки степени гомогенности / гетерогенности конфессиональной структуры населения, выступает индекс конфессиональной мозаичности (ИКМ). Данный показатель рассчитывается по формуле $ИКМ = \sum p_i (1 - p_i)$, где p_i — доля представителей i -й конфессиональной группы в стране или регионе. ИКМ является аналогом индекса этнической мозаичности (ИЭМ) [23], широко используемого в российской этнической географии и этнодемографии. В зарубежной науке данный показатель называют индексом этнической фракционализации [24] или же, как в первоначальном варианте, — индексом этнолингвистической фракционализации [25]. Чаще всего в зарубежной науке индекс используется для выявления связи между этнической неоднородностью населения стран и регионов и их экономическим развитием [26—28]. Это название показателя было заимствовано у зарубежных коллег российскими экономистами, занимающимися аналогичной исследовательской тематикой [29—31].

Величина ИКМ изменяется от нуля (в случае если в стране или регионе все население исповедует одну религию) до $1 - 1/n$ (что свидетельствует о максимальной гетерогенности конфессиональной структуры населения определенной территории), то есть существует неявная зависимость величины индекса от количества используемых для его расчета конфессиональных групп в стране или регионе. Чтобы нивелировать влияние этого фактора, С. А. Горохов [1, с. 102] предложил модифицированный вариант индекса, значения которого укладываются в интервал от нуля до единицы. Если известна величина ИКМ, модифицированный вариант индекса мозаичности ($ИКМ_m$) можно рассчитать следующим образом: $ИКМ_m = ИКМ / (1 - 1/n)$.

ИКМ_m позволяет оценить степень гомогенности/гетерогенности конфессиональной структуры населения территорий. Так, С. А. Горохов [1, с. 106] предложил следующую шкалу значений ИКМ_m, дающую возможность выделять территории с разной степенью конфессиональной гомогенности / гетерогенности: 1) крайне го-

могенные ($ИКМ_m$ от 0,000 до 0,280); 2) относительно гомогенные ($ИКМ_m$ от 0,281 до 0,556); 3) относительно гетерогенные ($ИКМ_m$ от 0,557 до 0,820); 4) крайне гетерогенные ($ИКМ_m$ от 0,821 до 1,000).

$ИКМ_m$ может быть использован и для оценки сдвигов в конфессиональной структуре населения территорий за определенный временной интервал. Уменьшение величины $ИКМ_m$ за исследуемый период свидетельствует о гомогенизации конфессиональной структуры населения административно-территориальных единиц, соответственно, увеличение $ИКМ_m$ — об ее гетерогенизации. Так, по аналогичной методике было проведено исследование в Латвии [32], где на основе расчета динамики индекса этнической фракционализации между 1925 и 1935 гг., а также между 1989 и 2009—2011 гг., с учетом изменения доли латышского населения была дана оценка степени этнической гомогенизации или гетерогенизации низовых административно-территориальных единиц страны в эти периоды.

В связи с тем что в современной структуре общества высока доля атеистов и лиц, не причисляющих себя ни к каким религиям или же не отвечающих на вопрос о религии (в сумме их можно обозначить как нерелигиозное население), существует проблема, нужно ли учитывать эту категорию населения при расчете индекса конфессиональной мозаичности. Правильнее рассчитывать $ИКМ_m$ только для религиозной части населения, приняв за 100 % долю лиц, обозначивших свою религиозную принадлежность. Так, например, С. А. Горохов [1] предлагает рассчитывать отдельно индексы общей и религиозной мозаичности. Индекс мозаичности для всего населения, включая его нерелигиозную часть, чтобы его не путать с $ИКМ_m$, нами предлагается обозначить как модифицированный общий индекс конфессиональной мозаичности ($ИКМ_{mo}$).

Регион исследования охватывает историческую часть Северо-Запада России и Прибалтики. Однако из него были исключены Калининградская область и северная часть Карельского перешейка (в 1897 г. входившая в состав Выборгской губернии, а ныне в Ленинградскую область) по причине полной замены на их территории населения в течение периода исследования. На данной территории выделено 20 историко-конфессиональных районов и 4 города (Санкт-Петербург, Таллин, Рига и Вильнюс), характеризующихся специфической конфессиональной структурой населения на рубеже XIX и XX вв. или в настоящее время.

Опираясь на итоги переписей населения 1897 и 2021 гг. по всем историко-конфессиональным районам региона исследования был рассчитан $ИКМ_m$, а для 2021 г. также и $ИКМ_{mo}$ (с учетом нерелигиозного населения). Результаты расчета индексов представлены в таблице.

**Величина индексов конфессиональной мозаичности
по историко-конфессиональным районам Северо-Запада России и Прибалтики,
рассчитанных за 1897 и 2021 гг.**

Регион исследования	$ИКМ_m$ 1897 г.	$ИКМ_m$ 2021 г.	$ИКМ_{mo}$ 2021 г.
<i>Весь</i>	<i>0,896</i>	<i>0,772</i>	<i>0,875</i>
<i>Северо-Запад России</i>	<i>0,245</i>	<i>0,037</i>	<i>0,696</i>
Санкт-Петербург	0,336	0,031	0,701
Ингерманландия	0,618	0,044	0,687
Прилужье	0,347		
Ладожско-Онежский	0,018		
Новгородский	0,076		
Восточное Причудье	0,216	0,027	0,683
Псковский	0,082		
Прибелорусский	0,199		
		0,066	0,658

Окончание табл.

Регион исследования	ИКМ _м 1897 г.	ИКМ _м 2021 г.	ИКМ _{мо} 2021 г.
Эстония	0,369	0,676	0,567
Таллин	0,490	0,592	0,647
Северная Эстония	0,188	0,682	0,438
Ида-Вирумаа	0,400	0,245	0,692
Юго-Восточная Эстония	0,330	0,641	0,440
Юго-Западная Эстония	0,606	0,594	0,428
Латвия	0,777	0,879	0,926
Рига	0,710	0,747	0,860
Видземе	0,287	0,728	0,846
Латгале	0,808	0,723	0,837
Земгале	0,377	0,851	0,900
Курземе	0,432	0,735	0,846
Литва	0,530	0,170	0,510
Вильнюс	0,874	0,314	0,659
Дзукия	0,394	0,140	0,412
Восточная Аукштайтия	0,583	0,497	0,701
Аукштайтия	0,540	0,080	0,452
Жемайтия	0,449	0,213	0,540
Сувалкия	0,470	0,027	0,300

Так, в 1897 г. по величине ИКМ_м историко-конфессиональные районы распределились по степени гомогенности / гетерогенности конфессиональной структуры населения следующим образом: 1) крайне гомогенные — большинство районов Северо-Запада России, а также Северная Эстония; 2) относительно гомогенные — Санкт-Петербург, Прилужье, большая часть территорий Эстонии, Латвии и Литвы; 3) относительно гетерогенные — Ингерманландия, юго-запад Эстонии, г. Рига, Латгалия и Восточная Аукштайтия; 4) крайне гетерогенные — г. Вильнюс.

В настоящее время почти во всех историко-конфессиональных районах высока степень гетерогенности общей конфессиональной структуры населения (по причине высокой доли нерелигиозного населения). Но при этом немного уменьшилась степень гетерогенности религиозной части структуры населения. Наиболее повысилась гомогенность этой части конфессиональной структуры населения в регионах Северо-Запада России и в Литве. Однако немного более гетерогенной стала структура религиозной части населения в большинстве историко-конфессиональных районов Эстонии (за исключением уезда Ида-Вирумаа и Юго-Западной Эстонии) и Латвии (за исключением Латгале). Причины обозначенной динамики индекса конфессиональной мозаичности можно выявить, проследив изменения в соотношении разных конфессиональных групп за данный период.

В качестве основных конфессиональных групп населения, выбранных для анализа в регионе исследования, выступают протестанты (лютеране в сумме с представителями других протестантских деноминаций), католики, восточные христиане (православные в сумме со старообрядцами) и иудеи. Во-первых, они соответствуют отдельным религиям (иудаизм) или трем основным направлениям христианства. Во-вторых, эти конфессиональные группы имели наибольшее представительство в религиозной структуре населения в регионе исследования в конце XIX в. В-третьих, их количественно можно сопоставить с результатами расчета потенциальной конфессиональной структуры населения исходя из традиционной религиозной принадлежности этнических групп.

В настоящее время, согласно данным, используемым в исследовании, доля нерелигиозного населения (включая, кроме атеистов, также и лиц, не указавших в ходе проведения переписей и опросов населения своей религиозной принадлежности) составляет в Эстонии — 71 %, в Латвии — 32 %, в Литве — 20 %, в регионах Северо-Запада России — 43 % (в том числе Новгородская область — свыше 48 %, Санкт-Петербург — 44 %, Псковская область — более 40 %, Ленинградская область — 39 %).

С процессами социальной секуляризации, развернувшейся в XX — начале XXI в., напрямую связано уменьшение удельного веса протестантов в общей конфессиональной структуре населения государств Прибалтики, так как секуляризация охватила в первую очередь протестантские страны. В период между переписями населения 1897 и 2021 гг. наиболее значительное сокращение доли протестантов (свыше 70 %) произошло на территории Эстонии (рис. 1) — ныне одной из наименее религиозных стран мира.

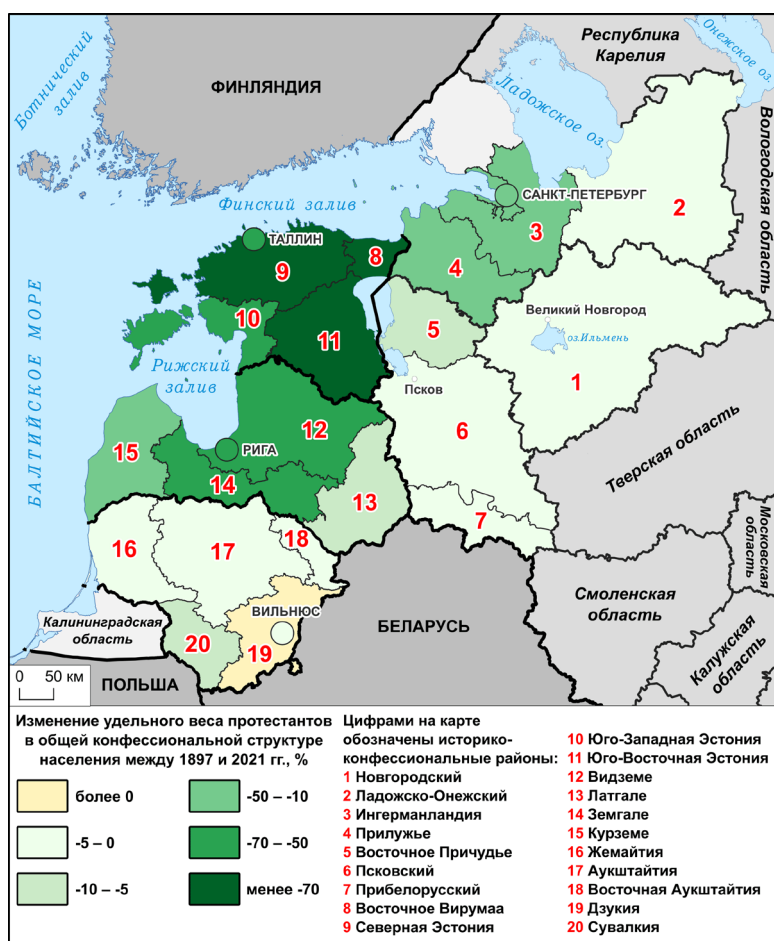

Рис. 1. Изменение доли протестантов в общей конфессиональной структуре населения между 1897 и 2021 гг.

Уменьшение доли протестантов на 50—70 % характеризует исторически лютеранские регионы Латвии (Видземе и Земгале), г. Ригу, а также юго-запад Эстонии и г. Таллин. В России наиболее значительное сокращение доли протестантов про-

изошло на территории Ингерманландии (по причине депортации финнов-ингерманландцев в 1930—1940-е гг.), в Прилужье и Восточном Причудье (покинутые в 1943 г. эстонцами и латышами, прибывшими на эти территории во второй половине XIX в.) [6]. Минимальное уменьшение удельного веса протестантов характеризует территории России и Литвы, где доля лютеран была низка изначально. Единственный исторический район, где выросла доля протестантов за период исследования, — это Дзукия в Литве.

Удельный вес католиков в общей конфессиональной структуре населения в основном рос на территории стран Прибалтики и уменьшался на Северо-Западе России (рис. 2). При этом наибольший прирост доли католиков на период исследования наблюдался в Вильнюсе и Риге, менее значительный — на большей части территорий Эстонии, Латвии и Литвы. Исключение составил ряд регионов, где доля католиков уменьшилась из-за роста удельного веса православных (в Латгалии, Восточной Аукштайтии, Жемайтии) или же нерелигиозного населения.

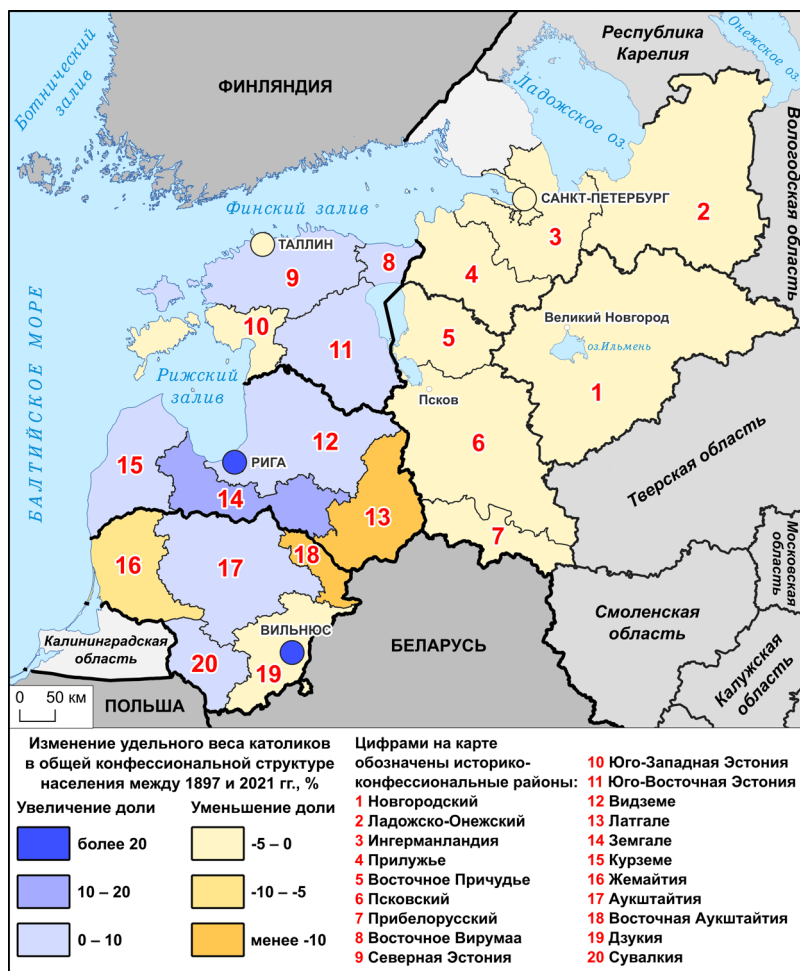

Рис. 2. Изменение доли католиков в общей конфессиональной структуре населения между 1897 и 2021 гг.

Наиболее значительный рост удельного веса православных и старообрядцев (в сумме) в общей конфессиональной структуре населения наблюдался в Восточном

Вирумаа (Эстония) и г. Риге (свыше 20 %), а также во всех регионах Латвии (от 10 до 20 %), небольшой рост — в Северной Эстонии и г. Таллине, в Восточной Аукштайтии и Жемайтии. Уменьшение доли восточных христиан произошло во всех регионах Северо-Западной России (по причине роста удельного веса нерелигиозного населения), в южной части Эстонии и в большинстве регионов Литвы.

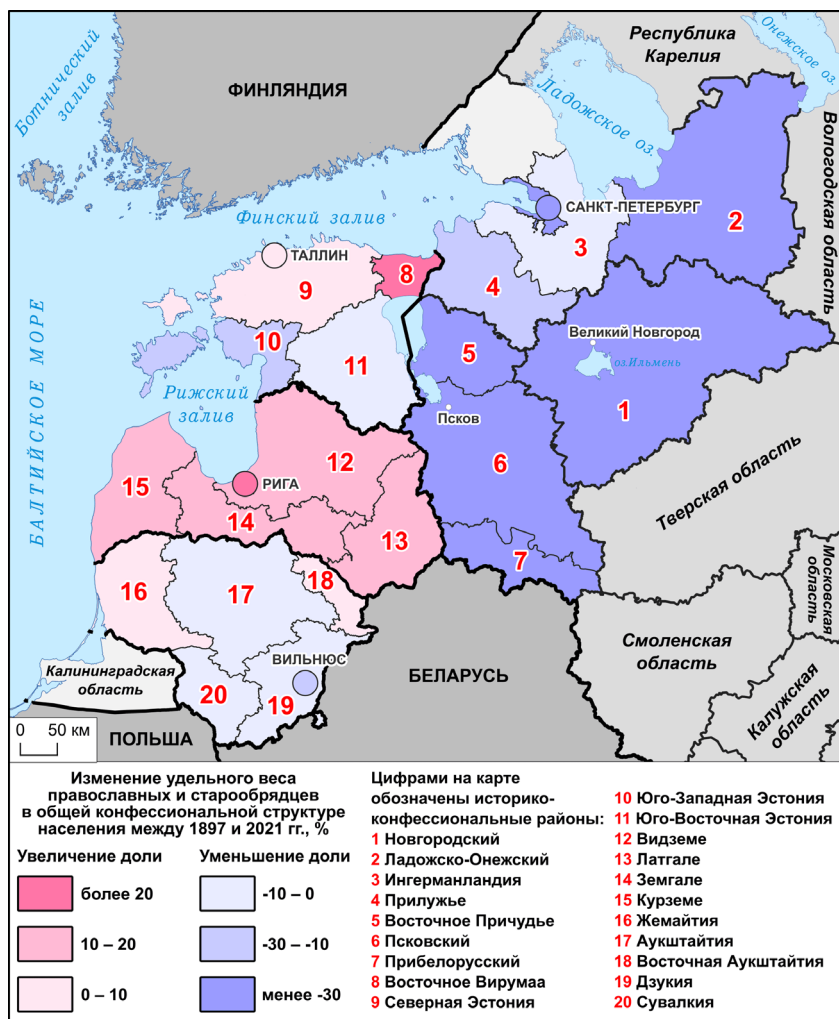

Рис. 3. Изменение доли православных и старообрядцев в общей конфессиональной структуре населения между 1897 и 2021 гг.

Падение доли православных и старообрядцев в Литве связано преимущественно с сокращением доли потенциально православного населения (главным образом из-за его частичного миграционного оттока в конце XX — начале XXI в.). При этом сокращение доли восточных христиан на юге Эстонии, и особенно в ее юго-западной части, имеет совсем иную причину. Дело в том, что православие («царскую веру») здесь активно принимало местное эстонское население в середине и конце XIX в., рассчитывая на получение земли после отмены крепостного права в прибалтийских губерниях [15—17]. Особенно в этом плане выделялся остров Сааремаа (в то время Эзель), где в 1897 г. доля православных превышала 38 % местного населе-

ния. Аналогичные процессы происходили в других уездах Лифляндской губернии (ныне юг Эстонии и север Латвии), но в них принятие эстонцами и латышами православия не было столь массовым явлением.

Картосхема, где показано сокращение доли иудеев в общей конфессиональной структуре населения (рис. 4), по своей сути отражает географию проживания евреев в конце XIX в. (в пределах так называемой черты оседлости), так как к настоящему времени в регионе исследования еврейское население стало крайне малочисленным. Это произошло, во-первых, по причине геноцида евреев на оккупированных территориях в период Великой Отечественной войны, во-вторых, из-за миграционного оттока уже сильно сократившегося еврейского населения в послевоенный период. В конце XIX в. в черту оседлости входили Витебская губерния (в том числе Латгалия и современный юг Псковской области), Ковенская, Виленская и Сувалкская губернии, в дальнейшем полностью или частично вошедшие в состав Литвы. Также особые правила проживания евреев были приняты в Курляндской губернии (Курземе и Земгале). На остальных территориях, кроме крупных городов (включая Санкт-Петербург, Ревель и Ригу), доля евреев, а значит и иудеев, была незначительной.

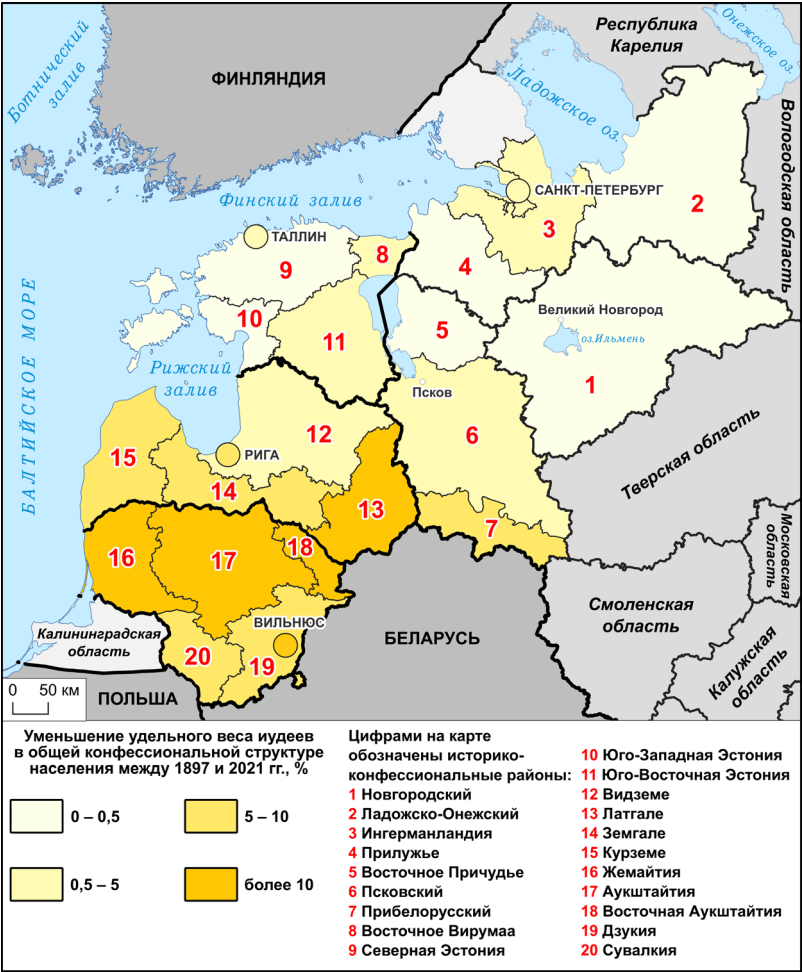

Рис. 4. Изменение доли иудеев в общей конфессиональной структуре населения между 1897 и 2021 гг.

С опорой на разность значений ИКМ_м и ИКМ_{мо} между 1897 и 2021 гг., а также на изменения в этот период в общей конфессиональной структуре населения удельного веса протестантов, католиков, восточных христиан, иудеев и нерелигиозного населения была разработана типология историко-конфессиональных районов Северо-Запада России и стран Прибалтики по конфессиональной динамике в данный период (рис. 5).

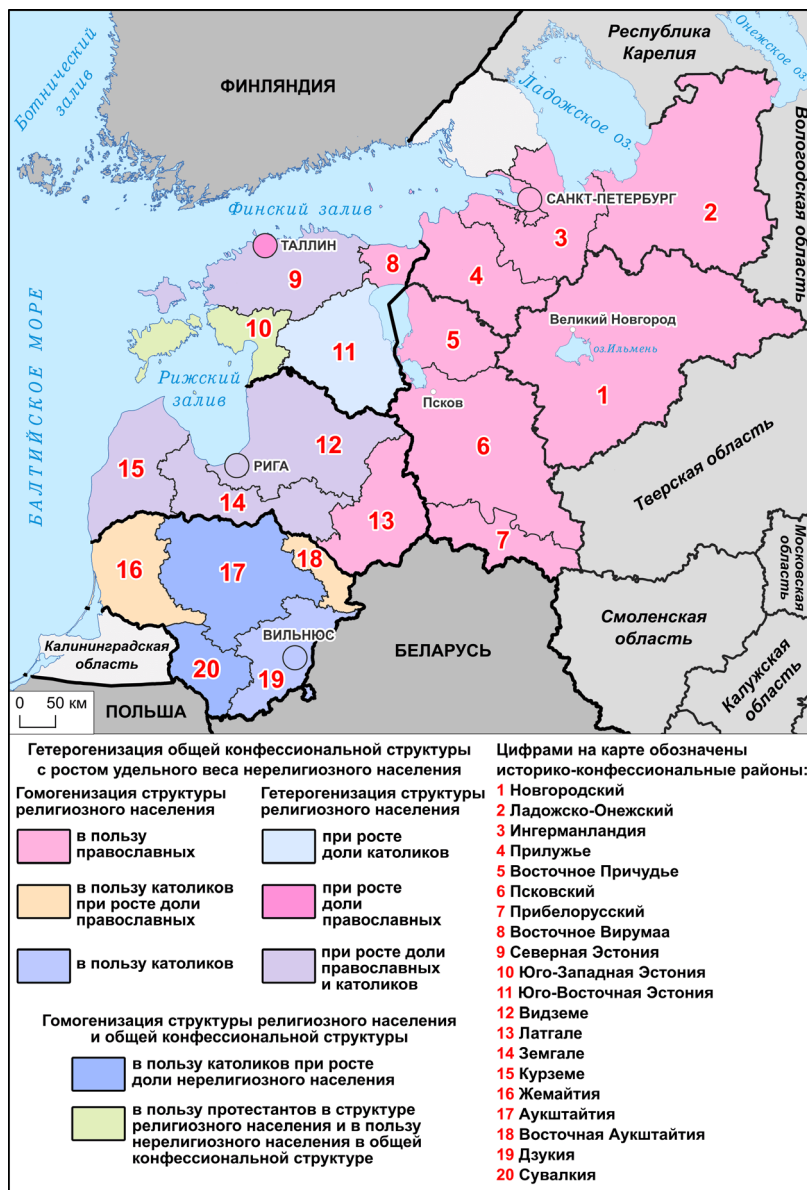

Рис. 5. Типология историко-конфессиональных районов Северо-Запада России и стран Прибалтики по динамике конфессиональной структуры населения между 1897 и 2021 гг.

Всего выделено три типа и восемь подтипов историко-конфессиональных районов. В первую очередь районы были разделены на 2 основных группы по характеру изменения общей конфессиональной структуры населения (включая нерелигиозное

население). Чаще всего увеличение доли нерелигиозного населения вело к гетерогенизации общей конфессиональной структуры (росту ИКМ_{мо}), но она сопровождалась или гомогенизацией структуры религиозного населения (падению ИКМ_м), или ее гетерогенизацией (росту ИКМ_м). Это и есть первые два типа историко-конфессиональных районов, в каждом из которых выделено по три подтипа в зависимости от динамики удельного веса отдельных конфессиональных групп.

Первый подтип первого типа включает историко-конфессиональные районы, испытывающие гомогенизацию структуры религиозного населения (несмотря на рост удельного веса нерелигиозного населения) за счет сокращения представительства иных конфессиональных групп. Эти районы охватывают всю территорию Северо-Запада России, а также Восточное Вирумаа в Эстонии и Латгалию в Латвии, где православие за период исследования сохранило или установило доминирование в структуре религиозного населения, в том числе за счет уменьшения доли иудеев (в Латгалии и на юге современной Псковской области, в прошлом бывших частями Витебской губернии, входившей в пределы черты оседлости еврейского населения) и протестантов (в Восточном Вирумаа, Прилужье, Восточном Причудье, Ингерманландии и Санкт-Петербурге, где ранее была высокой доля эстонцев и финнов).

Второй подтип первого типа, хотя и характеризуется ростом доли православных, но последние не стали лидерами в структуре религиозного населения, где сохранилось доминирование католиков. Гомогенизация структуры религиозного населения здесь сопровождалась выпадением из нее достаточно большой в прошлом доли иудеев. Два историко-конфессиональных района этого подтипа выделены в Литве — Жемайтия и Восточная Аукштайтя.

Третий подтип первого типа также характеризуется гомогенизацией структуры религиозного населения в пользу католиков, опять же за счет значительного сокращения доли иудеев, но без роста доли православных. Данный подтип представлен в восточной части Литвы (г. Вильнюс и окружающий ее район Дзукья).

Второй тип историко-конфессиональных районов в целом характеризуется гетерогенизацией как общей конфессиональной структуры населения, так и религиозной ее части. Но при этом в данном типе районов наблюдается небольшой прирост доли двух конфессиональных групп — католиков (первый подтип, представленный на юго-востоке Эстонии), православных (второй подтип, включающий г. Таллин) и одновременно католиков и православных (третий подтип, охватывающий Северную Эстонию и все исторические районы Латвии, кроме Латгалии).

Третий тип историко-конфессиональных районов характеризуется одновременной гомогенизацией общеконфессиональной и религиозной структур населения. Первый подтип представлен двумя историческими районами Литвы (Аукштайтя и Сувалкия), где произошла гомогенизация структуры религиозного населения в пользу католиков, которые укрепили свое лидерство не только в религиозной структуре населения, но и в общей конфессиональной структуре (несмотря на рост доли нерелигиозного населения) по причине выпадения из нее иудеев.

Во второй подтип третьего типа вошла юго-западная часть Эстонии. Это единственный историко-конфессиональный район, где произошла одновременно гомогенизация структуры религиозного населения в пользу протестантов (из-за падения доли восточных христиан) и общей конфессиональной структуры в пользу нерелигиозного населения.

Выводы

Предложенная в исследовании методика, опирающаяся на динамику удельного веса основных конфессиональных групп и индекса мозаичности на уровне выделенных в работе историко-конфессиональных районов, позволила выявить

территориальные различия в изменении конфессиональной структуры населения Северо-Запада России и стран Прибалтики в период с конца XIX в. по настоящее время. Всего было выделено 24 района, характеризующихся спецификой конфессиональной структуры населения в конце XIX в. или в начале XXI в.

Осуществлена типологизация историко-конфессиональных районов по особенностям динамики конфессиональной структуры населения за обозначенный период. Выделены три типа и восемь подтипов районов, учитывая изменение степени сложности религиозной и общеконфессиональной (включая лиц, не обозначивших свою религиозную принадлежность) структуры населения, а также динамику удельного веса четырех основных конфессиональных групп в регионе исследования (протестантов, католиков, восточных христиан и иудеев).

Первый тип характеризуется гомогенизацией религиозной структуры населения (в пользу православных или католиков) при гетерогенизации общей конфессиональной структуры (за счет роста нерелигиозного населения). В этот тип попали все историко-конфессиональные районы Северо-Запада России, уезд Ида-Вирумаа в Эстонии, Латгалия в Латвии (гомогенизация в пользу православных) и большая часть Литвы (гомогенизация в пользу католиков). Росту православных и католиков в структуре религиозного населения здесь способствовало падение доли протестантов в северной части региона исследования и иудеев в его южной части.

Второй тип характеризуется одновременной гетерогенизацией религиозной и общеконфессиональной структуры населения. Эти районы охватывают большую часть Эстонии и Латвии. Здесь на фоне массового перехода протестантов в категорию нерелигиозного населения немного выросла доля православных и католиков.

Спецификой третьего типа является одновременная гомогенизация религиозной и общеконфессиональной структуры населения. В Литве в районах этого типа (Аукштайтис и Сувалкия) укрепились позиции католиков. Но наиболее интересным примером районов этого типа является Юго-Западная Эстония, где на фоне значительного роста доли нерелигиозного населения произошло уменьшение доли православных (местные эстонцы активно принимали православие в XIX в.), в результате чего в структуре религиозного населения укрепились доминирование лютеран.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 23-17-00005 «Этноконтактные зоны на постсоветском пространстве: генезис, типология, конфликтность».

Список литературы

1. Горохов, С. А. 2020, *География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства*, М., ЮНИТИ-ДАНА, 235 с. EDN: VMXIPN
2. Старостенко, В. В. 2017, Религиозность в странах мира и индексы общественного развития, *Религия и общество* — 11, сборник научных статей, под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко, Могилев, Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, с. 76—80. EDN: ZETSEX
3. Старостенко, В. В. 2018, К вопросу о специфике религиозности населения на постсоветском пространстве: страны Балтии, *Религия и общество* — 12, сборник научных статей, под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко, Могилев, Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, с. 102—105. EDN: XXAMMX
4. Балабейкина, О. А., Мартынов, В. Л., Янковская, А. А. 2020, Экономическая деятельность ведущих религиозных организаций Эстонии, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*, № 4, с. 96—111. EDN: ZJLLQV

5. Alisauskiene, M. 2011, Freedom of Religion in the Baltic States: Sociological and Legal Analysis, in: Mate-Toth, A., Rughinish, C. (eds.), *Spaces and Borders. Current Research on Religion in Central and Eastern Europe*, p. 133—151. <https://doi.org/10.1515/9783110228144.133>
6. Манаков, А. Г. 2002, *Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия*, Псков, Центр «Возрождение» при содействии ОЦНТ, 300 с. URL: <http://st.volny.edu/> (дата общения: 11.11.2024).
7. Дементьев, В. С. 2021, Подходы к изучению структурных элементов конфессионального пространства Северо-Запада России на рубеже XIX—XX вв., *Псковский регионологический журнал*, т. 2, № 46, с. 117—131. EDN: NGHOMS, <https://doi.org/10.37490/8221979310014074-4>
8. Manakov, A. G., Dementiev, V. S. 2019, Territorial structure of the denominational space of the South-East Baltic, *Baltic Region*, vol. 11, № 1, p. 92—108. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-7>
9. Сафронов, С. Г. 2001, Конфессиональное пространство России в начале и конце XX века, в: Нефедова Т., Полян, П., Трейвиш, А. (ред.), *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен* Нефедова Т., Полян, П., Трейвиш, А. (ред.), М., с. 443—460. EDN: LXBEVY
10. Дементьев, В. С., Кроток, Р. Н. 2023, Конфессиональная структура населения Российской империи на рубеже XIX—XX вв.: статистико-географический анализ, *Псковский регионологический журнал*, т. 19, № 4, с. 62—80. EDN: GVLWNR, <https://doi.org/10.37490/S221979310027418-2>
11. Дементьев, В. С., Кроток, Р. Н. 2024, Конфессиональные контактные зоны Российской империи в разрезе уездов и округов по итогам переписи 1897 года, *Псковский регионологический журнал*, т. 20, № 1, с. 91—106. EDN: ZZRAYB, <https://doi.org/10.37490/S221979310029977-7>
12. Кабузан, В. М. 2008, *Распространение православия и других конфессий в России в XVIII — начале XX в. (1719—1917 гг.)*. М., Институт российской истории РАН, 272 с. EDN: QUPRSX
13. Фриз, Гр. 2017, Религиозная политика Российской империи в Прибалтике, *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, т. 62, № 4, с. 777—806. EDN: YNFDUF, <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.407>
14. Altnurme, R. (ed.). 2018, *Eesti kiriku — ja religioonilugu* [The History of Estonian Church and Religion], Tartu, Ülikooli kirjastus, 390 lk.
15. Пярт, И. (ред.). 2019, *Православие в Прибалтике: религия, политика, образование. 1840—1930-е гг.*, Тарту, Изд-во Тартусского университета, 527 с. <https://doi.org/10.30965/25386565-02301015>
16. Lebedev, S. V., Lebedeva, G. N. 2021, The struggle for the transition to the “royal faith”. From the History of Orthodoxy in the Baltic States., *Rethinking of history: conflict of facts and hypotheses. Collection of Scientific Articles. European Scientific e-Journal*, № 7 (13), p. 52—79. EDN: CZWBYS, <https://doi.org/10.47451/his2021-09-002>
17. Лебедев, С. В., Лебедева, Г. Н. 2022, Народное движение в Прибалтике за переход в «царскую веру», *Тетради по консерватизму*, № 2, с. 60—77. EDN: LPLWKM, <https://doi.org/10.24030/24092517-2022-0-2-60-77>
18. Лисовская, Т. В. 2022, Изменение конфессиональной структуры общества белорусско-прибалтийского региона в начале XX века, *Белорусский исторический обзор*, № 1 (6), с. 57—65. EDN: TLPWSY
19. Робберс, Г. (сост.). 2009, *Государства и религии в Европейском Союзе (опыт государственно-конфессиональных отношений)*, М., Институт Европы РАН, 719 с.
20. Манаков, А. Г. 2019, Трансформация территориальной структуры конфессионального пространства России в XX — начале XXI в., *Географический вестник*, № 2 (49), с. 13—24. EDN: RSTSQF, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2019-2-13-24>
21. Теренина, Н. К., Кроток, Р. Н. 2023, Опыт расчета коэффициента религиозной контрастности по регионам России, *Вестник Псковского государственного университета. Сер.: Естественные и физико-математические науки*, т. 16, № 4, с. 82—94. EDN: GEQAKG
22. Филимонова, И. Ю. 2006, Изучение уровня религиозности населения (на примере Оренбургской области), *Экономико-географический вестник Ростовского госуниверситета*, № 3, с. 128—133. EDN: SBSEOT

23. Эккель, Б. М. 1976, Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР, *Советская этнография*, № 2, с. 33—39.
24. Posner, D. N. 2004, Measuring Ethnic Fractionalization in Africa, *American Journal of Political Science*, vol. 48, № 4, p. 849—863. <https://doi.org/10.1111/j.0092-5853.2004.00105.x>
25. Greenberg, J. H. 1956, The Measurement of Linguistic Diversity, *Language*, vol. 32, № 1, p. 109—115. <https://doi.org/10.2307/410659>
26. Campos, N., Saleh, A., Kuzeyev, V. 2011, Dynamic Ethnic Fractionalization and Economic Growth, *The Journal of International Trade & Economic Development*, vol. 20, № 2, p. 129—152. <https://doi.org/10.1080/09638199.2011.538218>
27. Boudreaux, C. J. 2020, Ethnic diversity and small business venturing, *Small Business Economics*, vol. 54, p. 25—41. EDN: PIISUI, <https://doi.org/10.1007/s11187-018-0087-4>
28. Dinku, Y., Regasa, D. 2021, Ethnic Diversity and Local Economies, *South African Journal of Economics*, vol. 89, № 3, p. 348—367. EDN: BJSXYB, <https://doi.org/10.1111/saje.12286>
29. Буфетова, А. Н., Коломак, Е. А. 2017, Национальная неоднородность в регионах России, *ЭКО*, № 4 (514), с. 110—123. EDN: YIBHPJ
30. Bufetova, A. N., Khrzhanovskaya, A. A., Kolomak, E. A. 2020, Cultural heterogeneity and economic development in Russia, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 13, № 4, p. 453—463. EDN: KRJFOQ, <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0582>
31. Рожина, Е. А., Васильева, Р. И. 2024, Этническое разнообразие и экономическая диверсификация: анализ регионов России, *Народонаселение*, т. 27, № 1, с. 82—94. EDN: LJNPHYB, <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-82-94>
32. Németh, Á. 2013, Ethnic diversity and its spatial change in Latvia, 1897—2011, *Post-Soviet Affairs*, vol. 29, p. 404—438. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2013.807604>

Об авторах

Андрей Геннадьевич Манаков, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>

E-mail: region-psk@yandex.ru

Роман Николаевич Кроток, младший научный сотрудник молодежной научно-исследовательской лаборатории кроссрегиональных и трансграничных исследований, аспирант кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-5111-0686>

E-mail: roma.krotok@yandex.ru

Иван Андреевич Иванов, младший научный сотрудник молодежной научно-исследовательской лаборатории кроссрегиональных и трансграничных исследований, Псковский государственный университет, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-4453-2052>

E-mail: ii60@bk.ru

TRANSFORMATION OF THE CONFESSIONAL STRUCTURE OF THE POPULATION OF NORTHWEST RUSSIA AND THE BALTICS (LATE 19th CENTURY – FIRST QUARTER OF THE 21st CENTURY)

A. G. Manakov

R. N. Krotok

I. A. Ivanov

Pskov State University,
2, Lenin Sq., Pskov, 180000, Russia

Received 10 July 2024

Accepted 06 February 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-8

© Manakov, A. G., Krotok, R. N. Ivanov, I. A.,
2025

The secularization processes that have unfolded since the early 20th century have profoundly transformed the traditional religious structure of populations in many countries and regions. This study aims to trace the shifts in the confessional composition of the population in Northwest Russia, Estonia, Latvia, and Lithuania from the late 19th century to the present. The analysis is based on data from the 1897 and 2021 population censuses, as well as sociological surveys that included questions on religious affiliation. Drawing on the dynamics of confessional change, the study identifies 24 historical-confessional districts across Northwest Russia and the Baltics States. A typology of these districts is developed according to two principal criteria: the degree of complexity in the confessional structure and the changing proportions of the region's four major religious groups — Protestants, Catholics, Eastern Christians, and Jews. The first type of district is characterized by a homogenization of the religious population in favour of Orthodox and Catholic groups, accompanied by a general heterogenization of the broader confessional structure, including the non-religious population. This type encompasses all districts of Northwest Russia, Ida-Virumaa County in Estonia, Latgale in Latvia, and parts of Lithuania. The second type, most extensively represented in Estonia and Latvia, exhibits heterogenization in both the overall confessional structure and its religious component. The third type is marked by the homogenization of the general confessional structure, with a predominance of Catholics in Lithuania, and of Protestants and the non-religious population in southwestern Estonia.

Keywords:

confessional structure, Christian confessions, Judaism, secularization, historical-confessional regions

The study was supported by the Russian Science Foundation within project № 23-17-00005 “Ethnic contact zones in the post-Soviet space: genesis, typology, conflict potential”.

References

1. Gorokhov, S. A. 2020, *Geography of religions: development cycles of the global religious landscape*, M., UNITI-DANA, 235 p. (in Russ.). EDN: VMXIPN

To cite this article: Manakov, A. G., Krotok, R. N., Ivanov, I. A. 2025, Transformation of the confessional structure of the population of Northwest Russia and the Baltics (late 19th – first quarter of the 21st centuries), *Baltic Region*, vol. 17, № 2, p. 175–192. doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-8

2. Starostenko, V.V. 2017, Religiosity in the countries of the world and indices of social development, *Religion and Society* — 11, Starostenko, V.V., Dyachenko, O.V. (eds.), Mogilev, A.A. Kuleshov Mogilev State University, p. 76—80 (in Russ.). EDN: ZETSXZ
3. Starostenko, V.V. 2018, On the Specifics of Population Religiosity in the Post-Soviet Space: The Baltic States, *Religion and Society* — 12, Starostenko, V.V., Dyachenko, O.V. (eds.), Mogilev, A.A. Kuleshov Mogilev State University, p. 102—105 (in Russ.). EDN: XXAMMX
4. Balabeikina, O.A., Martynov, V.L., Iankovskaia, A.A. 2020, Economic activity of the leading religious organizations in Estonia, *Vestnik of the IKBFU. Series: Humanities and social sciences*, №4, p. 96—111. EDN: ZJJLQV
5. Alisauskiene, M. 2011, Freedom of Religion in the Baltic States: Sociological and Legal Analysis, in: Mate-Toth, A., Rughinis, C. (eds.), *Spaces and Borders. Current Research on Religion in Central and Eastern Europe*, p. 133—151, <https://doi.org/10.1515/9783110228144.133>
6. Manakov, A.G. 2002, *Geocultural Space of the North-West Russian Plain: Dynamics, Structure, Hierarchy*, Pskov, Center “Vozrozhdenie” with the assistance of UCST, 300 p., URL: <http://st.volny.edu/> (in Russ.) (accessed 11.11.2024).
7. Dementiev, V.S. 2021, Approaches to the study of structural elements of the confessional space of the North-West of Russia at the turn of the XIX—XX centuries, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 2, №46, c. 117—131. EDN: NGHOMS, <https://doi.org/10.37490/8221979310014074-4>
8. Manakov, A.G., Dementiev, V.S. 2019, Territorial structure of the denominational space of the South-East Baltic, *Baltic Region*, vol. 11, №1, p. 92—108, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-7>
9. Safronov, S.G. 2001, Confessional Space of Russia at the Beginning and End of the Twentieth Century, in: Nefedova, T., Polyan, P., Trayvish, A. (eds.), *Town and Village in European Russia: One Hundred Years of Change*, M., p. 443—460 (in Russ.). EDN: LXBEVY
10. Dementiev, V.S., Krotok, R.N. 2023, Confessional structure of the population of the Russian empire at the turn of the 19—20 centuries: statistical and geographical analysis, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 19, №4, p. 62—80. EDN: GVLWNR, <https://doi.org/10.37490/S221979310027418-2>
11. Dementiev, V.S., Krotok, R.N. 2024, Confessional contact zones of the Russian empire by counties and districts according to the results of the 1897 census, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 20, №1, p. 91—106. EDN: ZZRAYB, <https://doi.org/10.37490/S221979310029977-7>
12. Cabuzan, V.M. 2008, *Spread of Orthodoxy and other confessions in Russia in the 18th — early 20th centuries (1719—1917)*, M., Institute of Russian History RAS, 272 p. (in Russ.). EDN: QUPRSX
13. Freeze, Gr. 2017, Religious policy of the Russian Empire in the Baltics, *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 62, №4, p. 777—806. EDN: YNFDUF, <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.407>
14. Altnurme, R. (ed.). 2018, *Eesti kiriku — ja religioonilugu* [The History of Estonian Church and Religion], Tartu, Ülikooli kirjastus, 390 lk.
15. Pyart, I. (ed.). 2019, *Orthodoxy in the Baltics: religion, politics, education 1840s — 1930s*, Tartu: Tartu University Press, 527 p. (in Russ.), <https://doi.org/10.30965/25386565-02301015>
16. Lebedev, S.V., Lebedeva, G.N. 2021, The struggle for the transition to the “royal faith”. From the History of Orthodoxy in the Baltic States., *Rethinking of history: conflict of facts and hypotheses. Collection of Scientific Articles. European Scientific e-Journal*, №7 (13), p. 52—79. EDN: CZWBYR, <https://doi.org/10.47451/his2021-09-002>
17. Lebedev, S.V., Lebedeva, G.N. 2021, Popular Movement in the Baltic States for Conversion to the “Tsar Faith”, *Tetradī po konservatizmu*, №2, p. 60—77 (in Russ.). EDN: LPLWKM, <https://doi.org/10.24030/24092517-2022-0-2-60-77>
18. Lisovskaya, T.V. 2022, Changes in the confessional structure of the society of the Belarusian-Baltic Region at the beginning of the twentieth century, *Belarusian Historical Review*, №1 (6), p. 57—65 (in Russ.). EDN: TLPWSY
19. Robbers, G. (co-ed.). 2009, *States and Religions in the European Union (experience of state-confessional relations)*, Moscow, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, 719 p. (in Russ.).
20. Manakov, A.G. 2019, Transformation of the territorial structure of the confessional space of Russia in the XX — the beginning of the XXI century, *Geographical bulletin*, №2 (49), p. 13—24 (in Russ.). EDN: RSTSQF, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2019-2-13-24>

21. Terenina, N., Krotok, R. 2023, Experience of calculating the coefficient of religious contrast by regions of Russia, *Bulletin of Pskov State University. Series: Natural and Physical and Mathematical Sciences*, vol. 16, № 4, p. 82—94 (in Russ.). EDN: GEQAKG
22. Filimonova, I. Yu. 2006, Study of the level of religiosity of the population (on the example of the Orenburg region), *Vestnik of Rostov State Economic University (RINH)*, № 3, p. 128—133 (in Russ.). EDN: SBSEOT
23. Eckel, B. M. 1976, Determination of the mosaic index of the national composition of the republics, krays and regions of the USSR, *Soviet Ethnography*, № 2, p. 33—39 (in Russ.).
24. Posner, D. N. 2004, Measuring Ethnic Fractionalization in Africa, *American Journal of Political Science*, vol. 48, № 4, p. 849—863, <https://doi.org/10.1111/j.0092-5853.2004.00105.x>
25. Greenberg, J. H. 1956, The Measurement of Linguistic Diversity, *Language*, vol. 32, № 1, p. 109—115. <https://doi.org/10.2307/410659>
26. Campos, N., Saleh, A., Kuzeyev, V. 2011, Dynamic Ethnic Fractionalization and Economic Growth, *The Journal of International Trade & Economic Development*, vol. 20, № 2, p. 129—152, <https://doi.org/10.1080/09638199.2011.538218>
27. Boudreaux, C. J. 2020, Ethnic diversity and small business venturing, *Small Business Economics*, vol. 54, p. 25—41. EDN: PIISUI, <https://doi.org/10.1007/s11187-018-0087-4>
28. Dinku, Y., Regasa, D. 2021, Ethnic Diversity and Local Economies, *South African Journal of Economics*, vol. 89, № 3, p. 348—367. EDN: BJSXYB, <https://doi.org/10.1111/saje.12286>
29. Bufetova, A. N., Kolomak, E. A. 2017, National diversity in Russian regions, *ECO*, № 4 (514), p. 110—123. EDN: YIBHPJ
30. Bufetova, A. N., Khrzhanovskaya, A. A., Kolomak, E. A. 2020, Cultural heterogeneity and economic development in Russia, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 13, № 4, p. 453—463. EDN: KRJFOQ, <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0582>
31. Rozhina, E. A., Vasilyeva, R. I. 2024, Ethnic diversity and economic diversification: the case of Russian regions, *Narodonaselenie [Population]*, vol. 27, № 1, p. 82—94, <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-82-94>
32. Németh, Á. 2013, Ethnic diversity and its spatial change in Latvia, 1897—2011, *Post-Soviet Affairs*, vol. 29, p. 404—438, <https://doi.org/10.1080/1060586X.2013.807604>

The authors

Dr Andrei G. Manakov, Professor, the Department of Geography, Pskov State University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>

E-mail: region-psk@yandex.ru

Roman N. Krotok, Junior Research Fellow, Youth Research Laboratory for Cross-Regional and Transboundary Studies; PhD Student, Department of Geography, Pskov State University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-5111-0686>

E-mail: roma.krotok@yandex.ru

Ivan A. Ivanov, Junior Research Fellow, Youth Research Laboratory for Cross-Regional and Transboundary Studies; PhD Student, Department of Geography, Pskov State University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-4453-2052>

E-mail: ii60@bk.ru

